

Вера Киселёва

Киселёва (Фомина) Вера Николаевна (25.02.1940 – 24.03.2006) родилась в деревне Давыдовка Глядянского района Курганской обл. Окончила Челябинский машиностроительный техникум (1961), Литературный институт им. А.М. Горького (1976). В 1959–66 гг. работала техником-испытателем на опытном заводе ЧТЗ, в 1966–76 гг. – в редакции детских и молодежных программ Челябинской студии телевидения, где вела цикл телепередач «Мир твоих увлечений», писала сценарии для кукольных телеспектаклей, в 1977–78 гг. – библиотекарем Дома советской науки в Варшаве, в 1978–97 гг. – зав. сектором научно-технической информации и пропаганды НИИОГР, с 1998 – литературный консультант. Член СП России. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Новый мир», в еженедельнике «Литературная Россия» и др. Автор четырех книг стихотворений. Последняя книга – «Полотно» (Челябинск, 2002, 500 экз.). Участник АСУП-2.

Филологическая маркировка стихов В.К.

Традиции, направления, течения: реалистические тенденции, минимализм, фольк-арт.

Основные имена влияния, переключки: А. Ахматова, А. Блок.

Основные формальные приемы, используемые автором: аллитерация, психологический параллелизм, предельный лаконизм текста (нередко текст состоит из 1-го катрена), сколок с действительности, кадрирование, метафора.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: тема творчества, поэзии, физическое ощущение холода, жары, горения, тепла солнечного света, снега, льда, воды, мотив тоски, печали, жажды покоя и тишины, предчувствия смерти, образы природы – осенние, зимние пейзажи, гроза, небо, река, дерево, звезда, ангел, муза, вечность, полотно жизни.

Творческая стратегия: творческая оппозиция обыденному сознанию.

Коэффициент присутствия: 0,46

ВИТАЛИЙ КАЛЬПИДИ О В.К.

Боже мой, как всё случайно устроено в нашей жизни, несмотря на закономерности. Но самое интересное, что эти закономерности ничего не решают, а решают случайности, которыми эти закономерности дышат, как воздухом, благодаря чему и дышат во времени свое неуклюжее существование. С В.К. мы познакомились случайно. Настолько случайно, что я даже не помню, как. В Челябинской писательской организации бухгалтерствовала Надежда Валеева, а поскольку она еще и вела бухгалтерию журнала «Уральская новь» (а я этот журнал сочинял), мне приходилось нередко заходить в эту контору, где В.К. исполняла обязанности то ли литконсультанта, то ли заместителя председателя правления. Там мы втроем часто и чаевничали, ведя различные необязательные беседы, из которых я узнавал скудные новости про жизнь местного Союза. Это были две изумительно доброжелательные и милые женщины. Даже сплетни в их устах были не злые, а какие-то детские. И герои этих сплетен совсем не выглядели монстрами и идиотами (большей частью таковыми и являясь на самом деле), а смотрелись какими-то безвредными и нелепыми коротышками из Цветочного города, будучи на самом деле довольно-таки злобными и жутко завистливыми существами, особенно когда собирались вместе. А по отдельности это были очаровательные неприкаянные зомби, пребывающие в восторженном омерзке своей творческой невменяемости. Примерно так.

Я знал, что В.К. писала стихи. Знал, что стихи были плохие, скучные, обычные, необязательные к прочтению, да и к написанию тоже. Но саму В.К. я не знал, да и не стремился особо к этому знанию. Она не так давно вернулась из Варшавы, где довольно долго работал ее второй муж, талантливый инженер и верный любящий супруг. Не знаю, как охарактеризовать первый ее брак, могу только сообщить, что он подарил ей сына, а потом (как следствие) и любимейшего внука Никиту, источник ее нежности и вдохновения, как, впрочем, и неистовой печали, связанной с ощущением скорого расставания с этой нежностью. К слову, в Польше В.К. совсем стала забывать, что когда-то писала стихи. Впрочем, я, об этом почти ничего не зная, наблюдал лишь, как В.К. иногда с взрывающимся восторгом влюблялась в как будто только что открывающиеся ей чужие стихи, где местный виршеписец соседствовал с Баратынским, и что самое интересное, в ее пересказе это соседство не выглядело противоречивым, напротив – представлялось чьим-то разумным замыслом, который вот-вот завершится со всей очевидностью назревающим чудом. Она же сама сообщала о себе как-то стыдливо, набогом: бы-

стро скажет про себя нечто важное и тут же спрячется в пустяковую реплику о чем угодно, только не о том, что только что рассказала. Вот один из таких «набегов». В Литературном институте она посещала семинар Константина Симонова. Фигура, понятное дело, легендарная, причем заслуженно легендарная. И вот этот седой «мамонт», от которого приятно пахло дорогим табаком, перемешанным с изысканными мужскими духами, а всего больше – историей, валентиной серовой, жди меня, живыми и мертвыми, беседами со Сталиным, правдой о лжи и ложью о правде – короче всем, в чем угадывался таинственный мраморный дым советской эпохи, еще не поруганной и не униженной, – и вот, повторюсь, этот практически памятник приглашает нашу Веру в выходные к себе на дачу, разумеется, на предмет литературных занятий. А В.К. взяла и не поехала. Даже не думала ехать и провела воскресенье с сокурсниками на пляже. И когда при следующей встрече Симонов, грустно взглянув на нее, сказал: «Не приехала... Ну и молодец», – она вдруг поняла, как всё связано намертво в этом мире: и ее беззаботность, и думы стареющего Симонова о ней, такой молодой, но ничего собой не представляющей провинциалке, и пропорхнувший куда-то мимо несостоявшийся мимолетный роман с классиком, и это жаркое летнее воскресенье конца великолепных 60-х, и ее будущая старость, когда она будет вспоминать об этом воскресном дне, таком счастливым, и ничегошеньки не вспомнит. «Я вдруг остро тогда всё это почувствовала, и вот только что это произошло окончательно, – сказала мне В.К. в 2000 году в Челябинске, – вот рассказала тебе и пробую хоть что-нибудь вспомнить из того дня, и не могу, и ты знаешь, оказывается, это прекрасно, когда тебя окружают призраки счастья. Не само счастье, а его призраки. Потому что когда тебя окружает счастье, это значит тебя, читай, окружила будущая беда...» Она сидела напротив высокого окна, и ее голубые от серого неба глаза постепенно наполнялись слоем невыливающих слез. И мне показалось, я практически был уверен, что эта женщина вот-вот напишет замечательные стихи. Опуская подробности, скажу, что уже через несколько дней я читал рукопись написанного В.К. за несколько последних лет. Стихи были ужасные. Кроме нескольких строф и пары любопытных, но неразвитых тем в рукописи ничего не было. Но почему-то была уверенность, что книга появится, причем быстро. Договорившись, что я использую тактику «агрессивного редактирования», мы начали работу. Была придумана композиционная концепция книги с трассирующими рефренами, с самоповторами, с нарочитой лаконичностью. Новые стихи Вера писала на основе уже написанных, чаще отталкиваясь от них, т.е. как бы отрицая первоначальные тексты. Она с легкостью расширила словарь, инкрустируя «дремучую» традиционность

небольшими экскурсами в кардинально иную поэтику. Стихи иногда переписывались по три-четыре-пять-шесть раз. При этом тематически книга была очень узкой, напоминая расщелину, которая в конце стала трещиной между жизнью и ожиданием, что жизни практически уже не осталось. Книга как-то вывернулась в эту сторону, и через четыре месяца после начала работы мы с В.К. смотрели на верстку, как на нечто совершенно неожиданное, случайно упавшее в руки. Назвали книгу «Полотно» и опубликовали с иллюстрациями Вячеслава Остапенко, абсолютно не подходящего для этих стихов художника. Мне как редактору и дизайнеру книги хотелось спровоцировать эту нестыковку с какой-то непонятной для меня целью, и В.К. с легкостью на это пошла. Я до сих пор убежден, что это была и остается лучшая поэтическая книга, написанная уральской женщиной, которая не жеманилась, называя себя поэтом (и что это за стремление – стать поэтическим трансвеститом?!), оставаясь просто сильно постаревшей девушкой, просто иногда писавшей стихи и просто... Но получилось всё не просто. Скоро В.К. заболела, испугалась и, отвернувшись от всех, умерла. Попрощаться с ней пришли все. Все те, кто вместе до этого не собирались и уже не соберутся никогда. Жизнь проходит. Да и смерть тоже. И стихи умирают. Некоторые быстро. Иные – медленно. Принято считать, что стихи, умирающие медленно, лучше умирающих быстро. Получается, что стихи-старика лучше стихов-юношей, что не может быть правдой. Причем здесь Вера?

